Моя досада по поводу моей психологической неудачи была давно забыта; теперь я был заинтригован игрой, в которую я играл с этой женщиной. Я слегка отступил, отойдя в сторону от стойки, откуда мог свободно, но ненавязчиво смотреть на нее, опираясь на трость и пытаясь встретиться с ней взглядом. Она заметила, слегка повернулась в сторону моего наблюдательного поста, но так, что движение, казалось, было сделано совершенно случайно, не избегала моего взгляда и время от времени отвечала на него, но уклончиво. Ее глаза продолжали двигаться, касаясь всего, нигде не останавливаясь — был ли я один, чей взгляд она встретила с мрачной улыбкой, или она дарила эту улыбку всем? Ничего нельзя было сказать, и сама эта неопределенность задела меня. В те моменты, когда ее собственный взгляд падал на меня, как вспышка света, он казался полным обещания, хотя она отвечала без разбора и с тем же стальным блеском своих зрачков на каждый другой взгляд, который попадался ей на пути, из чистого кокетливого удовольствия от игры, но не позволяя своему очевидному интересу к разговору своего собеседника ослабнуть ни на мгновение. Было что-то ослепительно дерзкое в этой страстной демонстрации, которая была либо виртуозным флиртом, либо вспышкой переполняющей чувственности. Невольно я подошел на шаг ближе: ее холодная дерзость передалась мне. Я больше не смотрел ей в глаза, а оглядел ее с ног до головы, как знаток, мысленно раздел ее и почувствовал ее обнаженной. Она проследила за моим взглядом, нисколько не обидевшись, улыбнулась болтливому офицеру уголками рта, но я заметил, что ее понимающая улыбка подтверждала мои намерения. И теперь, когда я посмотрел на ее маленькую, изящную ножку, едва выглядывающую из-под подола белого платья, она проверила ее и с небрежным видом разгладила юбку. В следующее мгновение, как бы случайно, она подняла ту же ногу и поставила ее на первую ступеньку стула, который я ей предложил, так что сквозь ажурную ткань ее платья я мог видеть ее чулки до колена. В то же время улыбка, которой она одарила своего спутника, казалось, приобрела оттенок иронии или злобы. Она явно играла со мной так же безлично, как и я с ней, и я был вынужден, с некоторой враждебностью, восхищаться тонкой техникой ее смелого поведения, поскольку, в то время как она предлагала мне чувственность своего тела в притворной тайне, она, казалось, была польщена и одновременно погружалась в шепчущие замечания своего спутника, давая и принимая игру, в которую она играла с нами обоими. На самом деле я почувствовал досаду, потому что в других женщинах мне не нравилась такая холодная, злобно расчетливая чувственность, чувствуя, что она была кровосмесительно связана с отсутствием чувства, которое я сознавал в себе. И все же я был возбужден, возможно, больше от неприязни, чем от желания. Я смело подошел ближе и совершил жестокое нападение на нее своими глазами. Мои жесты ясно говорили: “Я хочу тебя, прекрасное животное”, и я, должно быть, невольно шевельнул губами, потому что она улыбнулась с легким презрением, отвернулась от меня и накинула юбку на ногу, которую только что обнажила. Однако в следующий момент эти сверкающие черные глаза снова блуждали туда-сюда. Было совершенно очевидно, что она была так же холодна, как и я сам, и подходила мне, что мы оба хладнокровно играли со странным возбуждением, которое само по себе было лишь притворным пылом, хотя это было красивое зрелище и забавно играть с ним в скучный день.

Внезапно пристальное выражение исчезло с ее лица, ее сверкающие глаза затуманились, и небольшая морщинка раздражения появилась вокруг ее все еще улыбающегося рта. Я проследил за направлением ее взгляда; невысокий, полный джентльмен в помятой одежде быстро направлялся к ней, его лицо и лоб, которые он нервно вытирал носовым платком, были влажными от волнения. Его шляпа, которую он в спешке сдвинул набок, открывала большую лысину с одной стороны головы (я не мог отделаться от мысли, что, когда он снимал шляпу, на ней наверняка собирались крупные капли пота, и я нашел его отталкивающим). В его руке, унизанной кольцами, была целая пачка бланков для ставок. Он возбужденно пыхтел и отдувался и, не обращая внимания на жену, сразу обратился к офицеру на громком венгерском. Я сразу узнал в нем страстного поклонника дерна, какого-то торговца лошадьми

лучшего сорта, для которого спорт был единственной известной ему формой экстаза, суррогатом возвышенности. Его жена, очевидно, каким-то образом сделала ему замечание (она явно была раздражена и встревожена его присутствием в своей элементарной уверенности), потому что он поправил шляпу, очевидно, по ее просьбе, затем весело рассмеялся и с добродушной любовью похлопал ее по плечу. Она сердито подняла брови, возмущенная этой супружеской фамильярностью, которая смущала ее в присутствии офицера и, возможно, еще больше в моем. Он, казалось, извинялся, сказал еще несколько слов по-венгерски офицеру, который ответил приятной улыбкой, а затем нежно и немного почтительно взял ее за руку. Я чувствовал, что она стыдится его близости перед нами, и со смешанным чувством насмешки и отвращения наслаждался ее унижением. Но вскоре она снова взяла себя в руки и, мягко прижимаясь к его руке, бросила на меня ироничный косой взгляд, как бы говоря: “Вот видишь, у него есть я, а у тебя нет”. Я почувствовал одновременно гнев и отвращение. Мне очень хотелось повернуться к ней спиной и уйти, показав ей, что меня больше не интересует жена такого вульгарного толстяка. Но влечение было слишком сильным. Я остался.

В этот момент раздался пронзительный стартовый сигнал, и внезапно показалось, что вся болтающая, скучная, вялая толпа ожила. Еще раз, и со всех сторон, он ринулся вперед к барьеру в диком смятении. Мне стоило некоторых усилий не поддаться этому, потому что я хотел остаться рядом с ней во всей этой неразберихе; возможно, представится возможность для многозначительного взгляда, для прикосновения, шанс для меня проявить некоторую спонтанную свободу, хотя именно этого я еще не знал, поэтому я упрямо пробирался к ней сквозь спешащих людей. В этот самый момент толстый муж прокладывал свой собственный путь сквозь толпу, очевидно, чтобы занять хорошее место на трибуне, и так получилось, что мы оба, каждый из которых был движим своей страстью, столкнулись друг с другом так сильно, что его шляпа полетела на землю, а бланки ставок, свободно заправленные за ленту шляпы, были широко разбросаны, дрейфуя, как красные, синие, желтые и белые бабочки. Он на мгновение уставился на меня. Я собиралась автоматически извиниться, но какая-то извращенная недоброжелательность запечатала мои губы, и вместо этого я холодно посмотрела на него с легким, но смелым, оскорбительным оттенком провокации. Когда в нем поднялся раскаленный гнев, но затем робко отступил, его взгляд на мгновение неуверенно блеснул, а затем трусливо опустился перед моим. С незабываемой, почти трогательной тревогой он всего секунду смотрел мне в глаза, затем отвернулся, внезапно, казалось, вспомнил о своих карточках для ставок и наклонился, чтобы поднять их и свою шляпу с земли. Его жена, которая отпустила его руку, бросила на меня взгляд нескрываемой ярости, ее лицо покраснело от волнения, и я с каким-то эротическим удовольствием увидел, что ей хотелось бы ударить меня. Но я стоял там очень спокойно и беззаботно, наблюдал за толстым мужем, улыбаясь и не предлагая никакой помощи, когда он наклонился, пыхтя и тяжело дыша, и ползал у моих ног, подбирая свои ставки. Когда он наклонился над своим воротником, стоявшим в стороне от него, как взъерошенные куриные перья, на его красной шее был виден широкий рулон жира, и он астматически задыхался при каждом движении, которое делал. Видя, как он тяжело дышит, у меня невольно возникла неприличная и неприятная мысль: я представил его наедине с женой, занимающейся супружескими отношениями, и эта мысль привела меня в такое приподнятое настроение, что я улыбнулся ей в лицо при виде гнева, который она едва могла сдержать. Там она стояла, снова нетерпеливая и бледная, едва способная контролировать себя — наконец-то я вырвал у нее настоящее, неподдельное чувство: ненависть, необузданную ярость! Мне бы хотелось продлить эту печальную сцену до бесконечности; я с холодным наслаждением наблюдал, как он изо всех сил пытается собрать свои бланки ставок один за другим. Какое-то дьявольское веселье застряло у меня в горле, я непрерывно хихикал и пытался расхохотаться; мне бы хотелось от души посмеяться над этой мягкой, царапающейся массой плоти или немного пощекотать его своей тростью. Я действительно не мог припомнить, чтобы когда-либо прежде был так одержим злым демоном,

как в тот восхитительный момент триумфа от унижения его смелой жены. Теперь несчастный, казалось, наконец собрал все свои квитанции, кроме одной, синей квитанции о ставках, которая упала немного дальше и лежала на земле прямо передо мной. Он повернулся, пыхтя и тяжело дыша, огляделся близорукими глазами - его пенсне сползло на кончик влажного, потного носа — и мое озорство воспользовалось этой секундой, чтобы продлить его нелепый поиск. Повинуясь мальчишескому приподнятому настроению, которое овладело мной помимо моей воли, я быстро двинул ногу вперед и поставил подошву ботинка на слип, так что, несмотря на все его усилия, он не мог найти его, пока мне было угодно позволить ему продолжать поиски. И он действительно продолжал искать его, снова и снова, время от времени пересчитывая цветные карточки снова и снова, тяжело дыша при этом; было очевидно, что он знал одну из них — мою! — все еще отсутствовал, и он собирался снова начать поиски посреди шумной толпы, когда его жена, намеренно избегая моего презрительного взгляда и с мрачным выражением на лице, больше не могла сдерживать свое сердитое нетерпение. “Лайос!” — внезапно и властно позвала она, и он вздрогнул, как лошадь, услышавшая звук трубы, бросил последний испытующий взгляд на землю — я почувствовал, как будто скользящая полоска, спрятанная под подошвой моего ботинка, щекотала меня, и едва мог скрыть желание рассмеяться, - а затем послушно повернулся к своей жене, которая повела его от меня с некоторой показной поспешностью в шумную толпу, где возбуждение поднималось все выше и выше.

http://tl.rulate.ru/book/65178/1715023